

Москва алмазная

Автор:

[Алекс Норк](#)

Москва алмазная

Алекс Норк

Московские клады и подземелья. Драгоценные камни, их неожиданная история и крупные события российской истории. Все переплетено вместе, и вместе с жизнью авантюрных друзей, задумавших овладеть большими ценностями в мутной воде российских 90-х годов. Они не грабили, не отнимали личную собственность – они находили. И для этого требовались серьезные знания.

Алекс Норк

Москва алмазная

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

«Над Канадой небо синее, меж берез дожди косые»... все, кому сейчас подошло к пятидесяти или «за», помнят эту модную в восьмидесятых песню, и мы ее тоже пели у костров в байдарочных походах по Селигеру, где в свое время и перезнакомились. Там очень много было синего неба, воды, берез, рыбы, которая

сама лезла на крючок, но мы почему-то пели о Канаде, о которой тогда всерьез никто из нас и не думал. Впрочем, судьба привела туда только меня одного. Второй из нашей четверки живет почти на противоположном конце земного шара – в Австралии. Двух других нет на свете. Их имена в этой истории подлинны, остальные – изменены. Собственно, ради этих настоящих имен и в память о них написана настоящая книга.

Впрочем, не только.

После гибели Андрея, точнее – его убийства на автостраде под Цюрихом в июле 96-го, публичный рассказ обо всем стал необходим и для нас. Деньги и личная охрана – хорошая штука, но лучше все-таки, чтобы люди, имеющие то же самое, не испытывали к нам прежнего интереса. Для этого надо рассказать всем то, что хотели бы знать только они.

И еще одна причина, которая позволяет сейчас это сделать.

В мае, в день моего рождения, Миша позвонил мне из своей Австралии, чтобы поздравить. Но начал не с этого. «Умер Сергей Антонович, Олег, – сообщил он. – Вчера вечером я звонил в Москву. Он умер неделю назад». Мы поговорили о погоде в двух разных концах земного шара, хотя говорить хотелось совсем не об этом. «Начинай писать, Олег, – сказал, прощаясь, Миша, – теперь не откладывай!».

При последней нашей встрече, на похоронах Андрея, мы решили отказаться от принятого раньше решения – молчать обо всем, что было. И обязанность рассказать ложилась на меня – в прошлом профессионального журналиста. Существовало только одно препятствие, чтобы начать – Сергей Антонович, которого мы берегли как зеницу ока и который всегда был законспирирован более тщательно, чем мы сами.

Старик категорически не желал уезжать из России. Конечно, мы поддерживали его одинокую старость, он ни в чем не нуждался. А от приглашений перебраться на запад и получить все, что честно ему причиталось, каждый раз отказывался.

«Что можно еще для него сделать, – каждый раз думал я, – когда нельзя даже рассказать о нем своим близким?». Теперь и это стало возможным, с его уходом.

Но начинать историю приходится с совсем иной фигуры, известной всей России и всему миру, – с Лаврентия Павловича Берии.

Нет, речь пойдет не о репрессиях, а совсем о другом.

Подземная историческая Москва

Охрана.

Обычно в простых умах это слово ассоциируется только с людьми, окружающими власть предрержащих. Поразмыслив, каждый, впрочем, скажет и об охране всего правительственного быта, поварах, пище, местах, где правительство работает и отдыхает. Все это правильно.

Есть и охрана города. Тоже понятная – та, что наверху. А внизу? Город ведь это не только то, что стоит на поверхности. Здесь и начало истории. Начало нашей истории, но, конечно же, далеко не всего того, что «внизу».

Нет, разумеется, нужды говорить о роли охраны в сталинскую эпоху. Она была главным гарантом режима. И охранялось тогда все. Для этого нужно было постоянно думать – что же еще должно находиться под бдительным энкавэдешным оком.

Подземная Москва попала в этом смысле в их поле зрения довольно поздно – в середине тридцатых, когда повели строительство метрополитена. И то не сразу.

Закладка первых подземных линий предполагалась очень глубокой, хотя их дальние концы, в районе «Сокольников» или «Сокола», почти выходят наружу. Глубина же исторической Москвы в центральной части тогда практически не учитывалась. Считалось, что вниз Москва значительно короче проектных глубин. Вскоре, однако же, стало проясняться, что это совсем не так.

При пробое объемных шахт по курсу будущих линий, необходимых для строительства станций и для самой подземной проходки, стали обнаруживаться

каменные строения очень старых времен и непонятные подземные инфраструктуры, если называть это языком современным, то есть ходы и сообщения неясного назначения. Причем находились они отнюдь не в ближнем поверхностном слое, а на глубинах в несколько десятков метров. И не только камень использовали древние строители, а и дерево. Что-то вроде трехэтажной бункерной системы обнаружили, например, в районе Кривоколенного переулка ниже сорока метров под мостовой: дуб, то ли просмоленный, то ли чем-то совсем особенным пропитанный. Состояние такое, будто вчера отстроено. А по размерам – со средний дом пионеров, с лестницами, переходами. Там же и колодцы с водой, приспособления разные. Это какому же оно принадлежало веку?

И главное в том, что все подобные находки по своему конструктивному характеру никакого отношения к наземным постройкам своего времени не имели. Тех, разумеется, тоже хватало. Город нарастал, поднималась почва, но то, что стояло когда-то на московской земле ниже, чем на десять-двенадцать метров не опустилось. Другими словами, выяснилось, что разные наши предки весьма активно в землю лезли, причем с незапамятных времен.

Столкнувшись с таким любопытным открытием, строители на него большого внимания не обратили, хотя власти все-таки выдали тогда метрострою инструкцию – обращать внимание на археологические ценности, а насчет золотишка совсем отчетливо предупредили: что буде такое найдено и государству не отнесено... Впрочем, все и так понимали: с золотом-серебром не побалуешь. И клады сдавали. Что же касается археологии, то не до этого было. Время ведь на то специально не выделялось, а за невыполнение нормы проходки инженер участка мог спокойно в Сибирь загреть.

В тридцать восьмом, когда Берия пришел на Лубянку, метро рассматривалось не только в качестве гражданского, но и важного военно-стратегического объекта. И занимаясь этими делами, Лаврентий первый всерьез задумался над тем, что же вообще представляет собой подземная историческая Москва. И первый понял, что не одному только ему со Сталиным приходила в голову мысль о подземных засекреченных коммуникациях, которые можно использовать для незаметных перемещений. То, что наряду с гражданскими транспортными линиями создавалось в конце тридцатых и малое параллельное метро, благополучно существующее и до сих пор, хорошо известно. И данные об этом частично попали в свое время в демократическую прессу. Однако разговоры на такую невыгодную тему быстро и прекратились. И здесь мы лишь упомянем о

том, к чему еще не раз будем возвращаться: подземная Москва всегда была особым предметом внимания всех властей и во все века. А в чем именно тут особенность и своеобразие, будет понятно из дальнейшего.

Так вот, Лаврентий, первым в коммунистическую эпоху, поставил вопрос шире. А что это вообще такое – Москва-подземная?

Будучи человеком восточным, казематного, так сказать, мышления, он правильно подумал о том, что ведь и психология российских управителей и бояр-феодалов мало в этом смысле отличалась от его собственной. И если каждый восточный князек в любую эпоху старался строить вниз не меньше, чем вверх, то здесь-то почему должно было обстоять иначе? В особенности, если учесть, что людского подневольного ресурса в России всегда было предостаточно. И если они со Сталиным могли запросто потом уничтожить несколько тысяч строителей, занятых на создании засекреченных подземных коммуникаций, то кто и что мог спросить с русского феодала, исчезни у того триста-четыреста душ мужеского пола. А о масштабе таких владений, не углубляясь в историческую статистику, легко судить хотя бы по фразе Фамусова из «Горя от ума», когда тот говорит про материальный ценз для женихов своего времени: «Имей он душ хотя б тысточки три...»

Ничего себе – минимум! А сколько на Руси было знати с десятками тысяч душ. Ну поубавилось их на пару сотен, дело, как говорится, хозяйское – может мор, может, сбежали.

До шестнадцатого века Москва, к тому же, была весьма уязвима со стороны южных российских границ. И даже еще в пятнадцатом веке спасалась несколько раз разве что чудом. Хан-Гирей странным образом потерпел поражение, имея все возможности взять город, а Тамерлан просто раздумал вдруг идти на Москву, хотя одолеть русское войско по тому его состоянию способен был без больших проблем.

Люди, того времени, слишком хорошо понимали, что значит – попасть в лапы к врагу. На то и слово «изверги» в ходу было. И имущество свое тоже терять никто не собирался. Поэтому рытье всякого рода считалось делом первостепенной важности. А в среде богатых и власть имущих такой процесс имел свои дополнительные стимулы. Политические интриги в те века заканчивались не увольнением с работы и не дискредитацией в прессе. Можно было без проблем и на кол сесть. Дочку красивую потерять. Система наложниц существовала ведь

вплоть до восемнадцатого века. Короче, когда происходили крупные сшибки княжеских и боярских родов, судьба могла в одночасье поднести такую фигу, что и злого татарина с душевным теплом вспомнешь.

Сами русские цари никогда не чувствовали себя вполне спокойно на троне. Поэтому всегда заботились на предмет того, куда им в случае чего шмыгнуть.

Иван Грозный, например, подземным работам уделял больше внимания, чем, пожалуй, всем остальным. И засекречивал это дело не хуже Сталина и Лаврентия: чтоб ни одной души потом от строителей не осталось. С этим, кстати, связана и легенда, описанная поэтом Кедриним, – о создателях Храма Василия Блаженного, замученных и убитых за то, что хвалились построить другой такой храм, и даже лучше. Причина, как установил еще историк Татищев, была гораздо более прозаичной. Царь Иван без всякого мучения и бития просто уничтожил ту группу ИТР, которая наряду со строительством храма занималась глубокой прокладкой каменных ходов от него в разные стороны Москвы. В том числе, один из них – к Донскому монастырю, что по другую сторону Москвы-реки в пятикилометровом от нее удалении.

Кажется, единственным периодом застоя в подземном московском строительстве было царствование Годунова. Странный этот царь, пытавшийся за сто лет до Петра Великого прицепить Россию к уходящему европейскому поезду, похоже, о себе совсем не думал и ценностей в землю не прятал.

Это – другое направление отечественной инженерно-строительной мысли, снова приближающее нас к Лаврентию Павловичу. Но сначала о ней самой.

Созданная под Москвой инфраструктура для коммуникаций, побегов, глухой и длительной отсидки в черные дни, постоянно пополнялась спецобъектами особого назначения – хранилищами ценностей.

Клады – в горшках, печках, стенах, подполом – удел рядовых обывателей. Серьезные люди, у которых действительно было, что спрятать, такой ерундой не занимались. Прятали капитально и глубоко.

Даже во время революции и в восемнадцатом году, когда красный террор рыскал пьяными глазами по чердакам и подвалам, спрятано там было очень немного. Из того, что вообще было спрятано.

В наше время, в шестидесятых годах, когда строился Калининский проспект – современный Новый Арбат – в прессу проскочила такая деталь. Стоимость строительства была с лихвой окуплена (многократно, как было сказано в газетной публикации) найденными в процессе строительства ценностями. Не сказали, правда, главного – каких и где найденных. Можно теперь уточнить – совсем не той мелочевки, что попадалась в полах и печках разрушенных дворянских особняков. Сережки, колечки, золотые червонцы, припрятанные в свое время от экспроприации, все это – бытовая мелочевка свергнутого класса, их обиход. Конечно, и перечисленное имеет свою цену, но не идет в сравнение с главным. С несколькими крупными тайниками, на которые посчастливилось нарваться. А о том, что там хранилось, хранилось в других местах и продолжает храниться в московских подземельях, – повествование ниже. Сейчас, однако, самое время вернуться к злодею Лаврентию и предвоенным годам.

Берия включился в игру

Злодеев вообще-то всегда тянет вниз. Подземелья – их естественные чертоги. К тому же, мысль о том, что не он здесь, конечно же, один такой вредный, заставляет беспокоиться и думать о завтрашнем дне. А думать об этом они умеют. Берия же, что бы о нем ни говорили, отличался умом хитрым и даже пронзительным.

Сталину он, естественно, ни на грош не верил и не только подозревал, что его могут убрать как предшественников – Ягоду с Ежовым, но и нисколько в таком исходе не сомневался. Дело было за временем. Но время было пока в его руках.

И вот, в тридцать восьмом году на Лубянке в отделе, надзирающем за охраной московских подземных коммуникаций, появляется оперативная группа с любопытными функциями. А именно группа, в обязанности которой входит единственная работа: обнаружение и обследование старых подземных ходов столицы и ближних пригородов. В целях защиты от шпионов и диверсантов, которые могут использовать старые, забытые уже городом подземные пространства и линии с конспиративными или подрывными целями. Все вроде бы логично. Кругом враги народа – чего ж еще от них ждать. Заберутся и взорвут пол-Москвы.

Офицеры в этой группе, а там были только офицеры, – все со строительными специальностями. Тоже логично: разбираться надо в состоянии заброшенного, чертежи уметь составлять, ну и прочее. Во главе группы – человек с одним кубиком в петлице, то есть майор. Фамилия украинская, Брынцалло. Сам откуда-то с юга, Краснодар-Абхазия. С Берией был знаком по стройкам на черноморском побережье Кавказа, когда тот работал в местном НКВД[1 - Кстати, Берия по профессии – инженер-строитель.]. Больше ничего не известно, кроме того, что кадровый состав группы ее начальник подбирал себе сам. Группа существовала как бы автономно, и хотя ее отчеты попадали в архивы вместе с общими материалами «Отдела по защите московских коммуникаций», ее начальник держался вполне независимо и имел с Берией постоянный контакт через голову, так сказать, своего непосредственного начальства. Кличка у него среди сотрудников тоже была своеобразная – «дед». Хотя по возрасту Брынцалло был только слегка за сорок. Имел жену и сына, которые, почему-то, проживали не с ним в Москве, а в Ленинграде.

Два с половиной года, до начала войны, группа работала, что называется, «тихой сапой». Обследовали и регулярно сдавали какие-то чертежи и расчеты с указанием тех мест, где враг может свить гнездо или провести теракт под государственным учреждением или производственным объектом, усиливали, так сказать, внимание. Но никаких сведений о реальных попытках проникновения в московские подземелья врагов народа или иностранных агентов в довоенных архивах не обнаружено. Зато в начале сорокового года состав группы пополнился еще одним новым сотрудником. На этот раз не строителем и не инженером – историком Волынцевым. Кандидатом исторических наук, начинавшим свою научную деятельность еще под руководством известнейшего ученого Забелина, чьи труды связаны прежде всего с историей города Москвы. (Точнее у самого Забелина он не учился, тот умер еще до революции, но школа научная сохранилась.)

Война, с лета 1941-го, сразу изменила жизнь страны. И в деятельности группы Брынцалло тоже произошли крупные изменения. Теперь, судя по архивным материалам, им пришлось всерьез столкнуться с диверсиями. Точнее – с попытками таковых.

Враг был хитер и коварен, но и НКВД не дремал. Уже в конце августа германские агенты попытались осуществить взрыв коммуникаций метрополитена в районе Садового кольца, почти под домом, известным сейчас как дом Аксаковых, что недалеко от американского посольства. И даже взорвали первый заряд,

пробиваясь через какие-то старые лазы к электролиниям. Второй, основной заряд, им привести в действие не удалось, потому что чекисты непонятно как (непонятно из раппорта начальника группы) зафиксировали этот малый подготовительный взрыв на глубине тридцати с лишним метров и предотвратили дальнейшее.

В сентябре, то же самое случилось в районе теперешней Ильинки. В октябре – два раза на Арбате. Зашевелились гады.

Но только интересно, что схема во всех историях была, ну совершенно одной и той же. Лезут враги со стороны старинных особняков или остатков строений пятнадцатого-шестнадцатого века, а чтобы проложить себе дорогу к объекту делают в технических целях небольшой силы направленные взрывы. Потом закладывают основное взрывное устройство с часовым механизмом, которое бдительная группа Брынцалло и успевает вовремя снять. Видимо это однообразие стало не нравиться и самим диверсантам, потому что в пятый раз, они вместе с часовым механизмом, оставили под землей на месте закладки и одного из своих товарищей. Оставленный следить за часами, предпочел быть убитым в перестрелке, но взрывной механизм в действие не привел. Личность не установлена и указаний на то, что этим делом занимались – никаких.

Когда работавший в КГБ Андрей прочел в архиве этот бредовый раппорт «деда», сомнения и пока еще смутные подозрения появились у него внутри. И уже потом не уходили, а только крепили.

Странно, что на несколько месяцев, когда Москва регулярно подвергалась фашистским бомбардировкам, активность ее агентов сошла на нет, а позже – снова возобновилась. И опять по прежней схеме: на третий-четвертый раз чекисты убивали в перестрелке неизвестно для чего заторчавшего под землей диверсанта.

А что этот историк Волынцев все время делал?

Нигде никакой информации.

Наша маленькая группа

Здесь нужно прерваться и перескочить в другое время. В восемьдесят девятый год.

КПСС крепко еще держалась на ногах, хотя всякие поповы и гдьяны уже всю будоражили публику, а мы жаркой июльской ночью сидели у костра и пели эту самую песенку: «Над Канадой небо синее...». Мы, это – Андрей, Анатолий, Миша и я. Трое из нас были женаты, но жены все были непоходные и остались в Москве, что лишь способствовало нашему мужскому общению и единению.

Познакомились мы года за два до этого в этих же селигерских местах, пересекаясь друг с другом в разных туристских компаниях. Позже образовали свою. Точнее, с последней зимы, потому что кроме рыбалки и лодок сошлись еще на одном общем интересе. На банном.

Ходили мы всегда в Ямские. Хорошие были бани и не очень популярные. Поэтому доступные вполне. Билеты покупались на два первых утренних сеанса, в субботу. По очереди устанавливался дежурный, который на полчаса раньше и отправлялся на «Сокол», чтобы занять очередь в пивбар «Белые ночи». Неплохое было место, пока демократия в России не победила окончательно. Там, за пивом, мы и вели нехитрые интеллигентские разговоры, узнавая понемногу друг друга.

Мне как журналисту чаще приходилось открывать рот в связи с происходившими тогда в стране событиями – естественная черта профессии. Миша и Анатолий оба работали в закрытом КБ. Оба инженеры-физики с дипломами МИФИ. Андрей, некоторое время, оставался загадкой.

То есть вообще-то мы знали, что он закончил Истфак МГУ, и культура из него что называется «перла». Вскоре узнали, что он не совсем историк. На этом факультете существовало еще и искусствоведческое отделение. Но вот с местом его работы вопрос оставался туманным. Вроде бы экспертиза, а где, чего, ясно не было. И раскололся он только тогда, в июле, у ночного костра.

Помнится, я что-то сказал в очередной раз про КГБ, которое часто в это время склонялось в открытую, и всегда в негативе.

– А знаете, ребята, – меланхолично проговорил Андрей, – я ведь именно там и работаю.

– Не вешай лапшу, искусствовед, – сказал Миша, – налей лучше людям по сорок грамм.

– Правда, ребят, и по званию я капитан. Майора, между прочим, жду.

– Слушай, кончай. Чего тебе вдруг вздумалось?

Андрей так же меланхолично пожал плечами и разлил по стаканам чистенькую.

Все взяли стаканы, но пить никто не стал.

– Ты что, серьезно? – после паузы спросил я.

– Абсолютно серьезно. Там же люди самых разных профессий служат.

– Вот это да! – Толя обалдело посмотрел на стакан. – Тогда надо совершенно срочно выпить. Мы тут всякое при нем плетем, а он, значит, оттуда. Выпьем, ребята, и подумаем – что с ним теперь делать. У меня семья, я на Беломорканал не хочу. А место здесь очень тихое. Твое здоровье, Андрюш.

И Андрей кое-что рассказал в тот вечер.

Странное ему было сделано предложение десять лет назад, когда он с отличием закончил МГУ и должен был поступать в аспирантуру. Попросили зайти в отдел кадров и познакомили со средних лет гражданским человеком, с которым разговор потом происходил наедине.

КГБ?... А причем тут он, искусствовед-историк?

– Постойте, постойте, – с улыбкой возразили ему в ответ. – Вы же о нас ничего не знаете. КГБ – это государство. Или, как мы говорим, – система. И в системе есть все. Вы думали только разведка и сыск? Напрасно, впрочем – типичное обывательское представление. А предметами искусства, которые ходят в криминальном мире и контрабандой вывозятся на Запад, кто должен заниматься? Мы, разумеется. Вы знаете, какие коллекции находятся в частных руках? эрмитажи и лувры. А ювелирные изделия, которых нет у рокфеллеров и

фордов? Вам об этом на лекциях не рассказывали. Да вы знаете ли, какое количество ценностей находится в закрытых запасниках? И можете никогда не узнать о многих шедеврах, так уж складывается жизнь, политика... Конечно, нам известно, что вы хотите в аспирантуру. Но к чему эта мышиная возня. Диссертацию вы и у нас сделаете, и более интересную. Научный рост – в системе – всячески приветствуется. Аспирантская стипендия – девяносто рублей? А двести двадцать лейтенантских – это несколько больше, плюс некоторые льготы.

В общем, недолго мучилась старушка. К тому же, сказанное оказалось правдой.

– Так стало быть, сам ты никого не арестовываешь? – заключил Михаил. – Фу, отлегло! Давайте, мужики, еще по сорок грамм.

С тех пор Андрей стал откровеннее. Но не по содержанию, а по тону разговора.

В КГБ пришел Бакатин и заявил, что пришел туда, чтобы уничтожить эту организацию. Конечно, он высказался не именно так. Но в системе так это поняли. И наши политические высказывания при встречах вызывали теперь у Андрея ироническое поднятие бровей.

– Смотрите, ребята, как бы вся эта параша не опрокинулась на наши же головы.

– Свой ведомственный интерес, старик, защищаешь, – говорил ему я.

– Ну-ну, посмотришь.

И действительно, скоро увидели.

Миша и Анатолий работали, как я уже говорил, в оборонной науке. Теперь, как раз, нужно сказать – над чем.

Я как гуманитарий ничего не смыслю в физике и всяких волнах, поэтому о деталях мне говорить бесполезно. Суть, однако же, в том, что этими волнами можно просвечивать все на свете. И на больших расстояниях и на малых. И

сквозь воду и сквозь стенки. И принципы этого волнового обнаружения вроде бы одни и те же. Другое дело – создание конкретных приборов и инструментов, здесь поле, которое еще пахать и пахать. И Михаил с Анатолием были в этом деле уже опытными специалистами. Оба – завлабы. А это, по тем научным меркам, немало значило. И как-то так стало получаться, что разговор об их работе с Андреем при наших встречах стал возникать все чаще. Он, как и я, в физике и технике почти не разбирался, но вопросы вдруг стал им задавать вполне конкретные.

Можно ли, например, обнаруживать пустоты в твердых средах? А какие при этом преодолеваются препятствия? По толщине, расстоянию? А техника какая для этого нужна? В портативном, например, исполнении?

Ребята охотно объясняли, рисовали какие-то схемы на бумажках. А я обычно в таких случаях потягивал пиво и не очень следил за разговором, поскольку не рассчитывал что-то понять, да и не очень интересовался.

Рождество, в конце девяносто первого, Андрей предложил отметить у себя. Жил он один, в однокомнатной квартире недалеко от метро «Калужская», где мы время от времени собирались на мальчишники, чтобы выпить в удовольствие и пожрать. Зарплата тогда еще позволяла нам покупать по такому случаю разносолы на Черемушкинском рынке и запускать в духовку баранью ногу или гуся. И пока основное блюдо доходило там до кондиции, мы, как водится, разминались под салат, острый перец и квашеную капусту.

– Махнем, ребята, по первой за уходящий год, ну его в болото, – предложил в этот раз Андрей. – И одна идейка есть до гуся, чтоб на чистую голову.

Махнули... а потом намахались так, что Миша с Анатолием остались у Андрея ночевать, а я на следующее выходное утро был вызван по телефону, чтобы поправиться и все как следует обсудить. По-серьезному.

Сталин и Иван-Грозный

Война поукротила Сталина и отвлекла от многих затей с переселением народов и от внутренней тасовки руководящих кадров. И в первые послевоенные годы он еще только очухивался. К тому же, внимание уходило на новую Европу, создание стран-сателлитов. Требовалось единство и среди ближайших соратников. Хотя то, что он рано или поздно попробует до них добраться, понимали все: и Молотов, и Каганович, и, конечно же, Берия.

А группа Брынцалло продолжала существовать. Тихо, без особых наград и шума о ее работе. Сам начальник группы за семь лет поднялся в звании только на одну ступеньку – стал подполковником – и по части орденов-медалей ее сотрудники шли позади многих. Не выпячивались, короче говоря.

Диверсии в московских подземельях после сорок третьего года уже не наблюдались, и формально группа занималась профилактикой. Если так можно выразиться – блюла.

Оживление в ее работе обнаруживается в конце сорок седьмого года, когда Сталин снова начал водить орлиным оком в поисках врагов народа и его собственных, личных. По части последних известно, что сталинский психоз на этот предмет в то время усилился. И ловкий Лаврентий сумел этим вовремя воспользоваться. Начал фабриковать ленинградское дело, окончившееся расстрелом едва ли не самого умного члена правительства того периода, председателя Госплана Вознесенского. И кроме того, Лаврентий «повернул Сталина лицом к евреям». До этого Виссарионыч, будучи внутри себя отпетым антисемитом, широкомасштабных кампаний против евреев, как таковых, не начинал. А с сорок восьмого года принялся вместе с Лаврентием всерьез на этот счет подумывать и для начала отодвигать от рулей Кагановича и его ближайших людей. И в это же самое время произошли серьезные изменения в жизни Брынцалло и его группы. Группа превратилась в отдел, а сам ее шеф получил полковничьи погоны. Но не это главное.

Если раньше группа просто жила своей малопонятной другим работникам жизнью, то новый отдел уже настолько обособился от всей Лубянки, что даже его отчеты перестали сдаваться в общий архив. И попали туда потом лишь небольшими своими фрагментами после исчезновения Берии.

Понять что-нибудь из этих писул было очень сложно. И конечно, следователи по делу Берии и не пытались особо в них копаться. Но по прошествии сорока с лишним лет это удалось другому человеку.

Андрей понял немного, но самое важное.

Отдел Брынцалло уже не занимался охранной деятельностью. Он занимался строительством. Где и что именно строили – сплошная загадка. Но получалось, что строили не на земле. И еще – в сорок девятом погиб Волынцев. Несчастный случай на объекте. А на каком объекте? И что там делал этот историк?

Сталин, как известно, весьма увлекался фигурой Ивана Грозного. Не Петра Великого, заметьте, а именно Грозного. В этой связи отечественная история пополнилась значительными работами по годам его царствования. Работами откровенно лживого, фальсифицирующего факты характера.

Представленная в восьмидесятые годы широкой публике книга Скрынникова о Грозном, кроме отдельных деталей, едва ли сказала бы что-то новое о самой этой фигуре образованной публике старой России. Злодей и кровопивец, маниакально боявшийся расплаты, слабый государственный политик, все достижения которого состояли лишь в централизации власти за счет тотального террора. Ошибки и бездарные потери в Литовской войне, ошибки в хозяйственном управлении, кровавая ротация своего ближайшего окружения. Такой портрет, талантливо и исторически точно нарисованный Скрынниковым, совсем, повторяю, не удивил бы читателей девятнадцатого века. Но для читателей двадцатого века был создан образ совершенно иной.

Писателем Костылевым («Иван Грозный» – Сталинская премия второй степени), Эйзенштейном (в картине с одноименным названием), красной профессурой, как гомункулус спешно выращенной в сталинской колбе в двадцатые годы для создания новых обществоведческих наук.

Это был образ злого гения. Но злого только потому, что окружающий его мир сам зол, нерадив, лжив, лицемерен и невосприимчив к добросердечию властителя. Куда ж ему, бедному, деваться, когда не хотят по-хорошему?

Тяга Сталина к Грозному определяется не только, так сказать, методологическим сходством государственного управления. Здесь слишком ощутительно проявляет себя и сходство личное, делающее эти фигуры порой почти неразличимыми. Нельзя в этой связи не отвлечься и не обратить внимания

на один прелюбопытнейший факт.

Сталин с юных лет обладал некоторыми экстрасенсорными способностями и с возрастом попробовал их развить. Для этого, в бытность свою молодым начинающим революционером на Кавказе, он познакомился с известным впоследствии магом и экстрасенсом Гурджиевым (у которого, позже в Европе, брал уроки начинающий Гитлер). Гурджиев, как утверждают, умел проникать в предыдущие инкарнации людей и сильно заподозрил присутствие в Сталине иной личности, уже в истории побывавшей. Сталину он тогда об этом не сказал, но позже с несколькими людьми поделился: в Сталине просвечивала живая фигура царя Ивана!

Откуда в Москве самоцветы?

Теперь несколько слов о том, как Андрей вышел на архивные материалы, связанные с группой Брынцалло и прочими вещами.

После известного августовского путча девяносто первого года КГБ, хотя и не в той мере как ЦК КПСС, подвергся разгрому, а работа там почти что встала. И если раньше допуск к тем или иным архивным материалам самих работников системы был очень строго обусловлен непосредственно выполняемой ими работой и находился под бдительным оком многих начальников, то с приходом демократической братвы контроль за архивами потерял прежний смысл. К тому же Андрей интересовался не личными картами тайных агентов КГБ, где часть ведущих демократов страны в свое время и состояла, а вроде бы невинными историями далеких лет. Вдобавок, никому не могло прийти в голову – почему какой-то майор из системы роется в таких материалах. На это – «почему» – ответить мог только сам Андрей.

В течение четырнадцати лет, что он там проработал, ему постоянно приходилось иметь дело с предметами искусства, обращающимися в теневой сфере: иконами, отечественной и западноевропейской живописью и ювелирными изделиями. С ними в последние годы – в особенности. И вот, вступив на это поприще, Андрей уже года через два стал обращать внимание на одно малообъяснимое обстоятельство.

Живопись и антиквариат в криминальном обороте присутствовали в изобилии. Были у них по этому поводу, как правило, в связи с попытками вывоза за границу, сотни мелких дел. Время от времени шли дела и очень крупные, но ничего сверхмасштабного в общем-то не случалось. И вместе с тем...

У работников их подразделения, и прежде всего людей со стажем, невесть откуда укоренилось мнение, что в Москве в среде влиятельных людей не только криминальной, но и государственной окраски возвращаются и преспокойно уплывают за рубеж ювелирные ценности необъятных размеров.

Что такое – «необъятных» – здесь следует пояснить с применением простенькой расчетной формулы и следующим предварительным замечанием.

Алмаз – это просто округлый камушек, невзрачный, с мутноватой желтой или серой поверхностью. И если не написать на нем кто он такой, любая хозяйка, не задумываясь, сметет его в совок веником. Бриллиант – алмаз обработанный, ювелирная форма. И обработка сама по себе очень дорогого стоит, потому что проявляет свойства алмаза преломлять свет и создавать даже в небольших камушках впечатление бесконечного объема. Кроме того, крупные бриллианты обладают архитектурной, то есть представляют собой всегда сложную художественную конструкцию, а понять – какая именно композиция должна быть создана из первоначально грубого и невзрачного камня, может только мастер, настоящий художник. В двадцатом веке техника огранки очень бурно развивалась, за счет высокоточного станкостроения, прежде всего. Отразилось это, главным образом, только на производстве бриллиантов малой величины. В особенности на тех, что меньше карата (карат – 0,2 грамма). Старые мастера, естественно, не могли создавать на таком материале точной и разнообразной огранки. Зато из больших алмазов делали еще в средние века такие художественные шедевры, которые оказались почти недоступны нашему промышленному веку.

Если отбросить самую художественную ценность, средняя стоимость алмаза выражается формулой: (десять тысяч долларов) \times (1/2 количества карат в квадрате + количество карат).

К примеру, однокаратник стоит около 15 тысяч долларов, алмаз в четыре карата – уже 120 тысяч. В десять карат – более полумиллиона. Однако на такой товар – уже особый покупатель, и цена может сильно колебаться.

Легенды, ходившие среди сотрудников системы насчет огромных ювелирных богатств Москвы, были, впрочем, не совсем легендами. За этим стояли агентурные источники, из тех же завербованных деятелей на теневом рынке ценностей. И рассказывали они вещи не просто странные, а такие, что у следователей порой волосы на голове начинали шевелиться, а главным желанием становилось – прервать говорящего. Сама эта гэбэшная агентура по ювелирным делам и художественным ценностям вербовалась из людей, которые на этом рынке орудовали, а потом попадались. И вот те, кто был покрупней и, по мнению специалистов Лубянки, годился к сотрудничеству, как правило, в тюрьму не садились, а продолжали, уже подконтрольно, свои делишки и заваливали других, кто пытался в эту криминальную сферу въехать или просто сильно не нравился работникам указанного ведомства. И о предполагаемой контрабанде много сообщали – кто из имеющих дозрел до вывоза. Ну а ловкость и сметливость таможенной службы – это уж потом для газет. Так вот, деваться этой завербованной публике было некуда и шалить с КГБ было нельзя. Потому что затянув их в это дело, органы прямо давали понять, что в случае чего арестовывать их по старым делам не будут, а сделают от себя утечку информации и дезавуируют агента, то есть, попросту говоря, сдадут его криминалитету с хорошо известной последующей за этим окончательной процедурой. Так что вербованные работали не за совесть, которой, естественно, не было, а за страх. И очень старались. Это усердие, вот, и приобретало порой угрожающие для самих кагэбэшников формы. Назывались время от времени такие имена вкупе с обладанием такими невероятными ценностями, что их не только в следственные разработки включать в голову не приходило, но и сама голова начинала ощущать свою непрочность от поступившей в нее информации.

В 1976 году, после смерти маршала Гречко, был официально (как и положено) вскрыт его личный кабинетный сейф. А там!.. Растерялись так, что не успев еще закончить опись, доложили генсеку Брежневу Леониду Ильичу. Тот, не вникая в детали, распорядился по-товарищески: «А ладно, все, что там есть, передать семье». И так и вышло – невероятные драгоценности получила семья... семья Леонида Ильича.

Во владении этого клана вообще очень много чего было, и в этой связи нельзя не коснуться известной истории с зятем Брежнева, Чурбановым. Шумной истории с большим тюремным сроком, досрочным выходом, но главное – совершенно непонятными судебными обвинениями Чурбанову, которые сводились к тому, что этот последний получил даже не взятку за какую-либо антигосударственную

услугу, а денежный подарок. Причем факт подарка от среднеазиатских друзей, которых тогда усиленно тряс и провоцировал Гдлян[2 - Его, мягко говоря, сомнительные методы очень подробно описаны в книге известного политика В. Илюхина.], так и не был вполне доказан. И тем не менее – двенадцать лет. Все радовались тогда, что зятю бывшего и очень надоевшего генсека прижали хвост, но вот за что? Никто понять толком не мог. А жали парня в действительности только для того, чтобы отдал огромные драгоценности, точнее говоря – поделился. Орех, тем не менее, оказался крепким. Юрий Чурбанов показал народившейся демократии шиш и пошел в тюрьму, справедливо надеясь, что слишком долго заточение не продлится. И, выйдя на свободу, сразу стал крупным бизнесменом в малопонятной и малопроницаемой для сторонней публики фирме.

Да, но откуда огромные драгоценности у маршала Гречко и прочих известных «товарищей», имена которых еще последуют? Взятки? Ну, разумеется. Только это не ответ на вопрос. Сами все эти феноменальные камни откуда? После белоэмиграции, с одной стороны, экспроприации – с другой (с десятками обысков в домах людей, за которыми по дореволюционной биографии что-то значилось), и, наконец, после многократных сталинских чисток, опять же с обысками, выселениями и прочим. В шкапулках у людей пятидесятых годов уже мало чего оставалось.

Ну и откуда?

И Андрей стал очень рано над этим задумываться. Еще задолго до того, как зашаталась и стала разваливаться советская система.

Алмазный шантаж

У КГБ была прекрасная агентура за рубежом. Причем разведок было несколько – военная, политическая, экономический шпионаж и даже зарубежная контрразведка, которая следила за своей собственной агентурой, контролировала ее надежность. Все это, конечно, не касалось той службы, где работал Андрей, но между ними и товарищами из разведподразделений существовал постоянный рабочий контакт. Разведчиков и контрразведчиков очень интересовал всякого рода компромат по незаконным сделкам с

ценностями на нашей территории. Причем в первую очередь не на наших известных деятелей (некоторые были в этих историях замазаны), а на иностранцев. Очень интересовались теми из них, кто был вхож в круги большого бизнеса в то, что называется истеблишментом западного общества. И вывоз ценностей из СССР использовался ими как наживка на крупную рыбу.

Нужно сказать, что предметами русской старины всегда интересовались очень многие работники посольств США, Англии, да и прочих. Но эти два контингента – в особенности. Интерес такой рано или поздно приводил их к контактам, скажем так, не с самой криминальной сферой, а с ее пограничной областью.

В СССР, конечно, всегда были богатые люди. Не в том количестве, как сейчас, понятно, но были. В среде крупных взяточников, и хозяйственников среднеазиатского и кавказского племени, ну и уголовных авторитетов. Только жить им со своими богатствами в тогдашней стране было скучно – и сотой доли не потратишь, не разгуляешься. Можно, конечно, купить туристическую путевку и выехать безвозвратно. Да, а капиталы? Через единственный тогда сбербанк их за рубеж не переведешь и в чемодане не вывезешь. Нужен был очень компактный способ переброски денег, и был он только один – камушки. Бриллиант – двадцатикаратник – вот вам и пара миллионов долларов за рубежом. Но самому какому-нибудь наворовавшему за многие годы такие деньги начхозу делать это было чрезвычайно рискованно. Лубянка и МВД работали не то что сейчас, а по-настоящему. Особенно во времена Андропова, который ворье ненавидел искренно и люто. Вся эта публика висела у них на картотеке, и хотя ко многим таким хитрым деятелям с реальными обвинениями подобраться не могли, при попытке выехать в турпоездку в капиталистическую страну, раздеть на таможне способны были запросто до нитки. Паханы всех мастей это прекрасно знали и очень боялись враз оказаться вместо Парижа под Магаданом. Другое дело иностранец, тем более дипломат или аккредитованный какой. Вот в этом месте и происходил стык разных гэбэшных служб. Андрея и его коллег интересовал наш внутренний конец этой связи, а разведслужбам нужен был западный. Причем иногда до такой степени, что выражаясь их профессиональным языком – «открывали линию», то есть сознательно и подконтрольно допускали вывоз.

Затем, уже «там», события развивались по стандартному сценарию. Разведка «вела» за рубежом этого попавшегося на крючок, позволяя ему «устроить» украденные из страны ценности и отслеживая тоже очень важные для них его связи с местной околориминальной средой, потому что просто в магазин такие

вещи не носили. Дождавшись окончательного очень счастливого для них момента, когда клиент все сделал до конца и расслабился, ему устраивали частную встречу. И объясняли все по-хорошему.

Рассказывали, кто и когда передал ему ценности, показывали документально оформленные фотографии (типа рентген), наглядно демонстрировавшие – где они находились во время таможенного провоза, подробное описание и идентифицирующие фотографии самих камней, а также канал, по которому они сбывались здесь, за границей.

Если клиент был дипломатом или, что лучше всего, работником самих западных спецслужб, передача собранных данных в его собственную организацию означала не только увольнение и конец карьеры, а и немалый тюремный срок, потому что ни одна цивилизованная страна не терпит того, чтобы ее государственные люди занимались уголовщиной даже на территориях политически враждебных государств, и предусматривает это в уголовном кодексе. Если же попадалось частное лицо, а с мелкими, как было сказано, в такие игры не играли, подобный компромат влек за собой закрывшиеся двери в любые общественно-политические или серьезные предпринимательские круги, потому что и там человека, поддавшегося на вульгарную уголовку, из списков навсегда вычеркивают. Надуть кого-нибудь через юридическую или бизнес-лазейку – это пожалуйста, хоть на сто миллионов, но уголовщина такая фи-и, что с вами и здороваться перестанут.

Так вот на этой благородной почве и происходило сотрудничество различных лубянских подразделений. Эффекты же от этого порой доходили до крупно-государственного масштаба. Одну историю в этой связи, одновременно и очень яркую и очень мрачную, нельзя обойти молчанием. А поскольку любая крупная история с камнями обязательно связана с историей вообще, придется поговорить и об этом.

Изумруд Иловайского

«Зловещий изумруд» – так можно было бы озаглавить эту историю, хотя в свое время камень этот за его красоту справедливо назвали чудесным.

Началась она в тридцатых годах прошлого века, примерно тогда, когда Александр Сергеевич Пушкин писал свою знаменитую «Полтаву», а обе славные столицы – Москва и Петербург, уже позабыв о декабристах, занимались салонной жизнью, балами, интригами и прочим бездельем.

Главная фигура – известный всем Федор Толстой-американец, попавший во многие литературные произведения и мемуары, в том числе в «Горе от ума» Грибоедова. Известен этот тип был, прежде всего, как самый буйный человек России, сравнительно с которым Стенька Разин и прочие возмутители спокойствия должны рассматриваться как просто тихие дети.

Одиннадцать дуэлей на пистолетах с неизменно смертельным исходом для противников при ни одной царапине на собственном теле могли бы быть занесены в книгу рекордов Гиннеса, тем паче, что история официально констатирует этот факт. За что он дрался и почему убивал, этот подонок никогда не знал и мыслями на сей счет не тревожился даже в старости. Картежный шулер, не скрывавший своих методов игры и нагло отвечавший на претензии, что «да, мол, так вот и веду себя всегда, а ежели не нравится, со мной не садись».

Естественно, при Николае I и одной десятой подобных подвигов хватало, чтобы отправиться рядовым на Кавказ, и меры к этому поросенку применялись самые жесткие. Но тот в воде не тонул и в огне не горел. Сбегал из ссылки и из-под ареста, в том числе один раз обогнув весь земной шар через Америку, находил каких-то за себя просителей и заступников, врал каждый раз – что не он, клялся-божился, что больше не будет, что «бес попутал», что в монастырь уйдет. Ну в общем, дурачил и издевался. А главным образом выпутывался из бед за счет заслуг и своей, доходившей до подвигов, храбрости в войне со шведами в начале века и во время наполеоновской кампании. К тому же, отличался необыкновенными способностями в знании языков и литературной начитанностью. На этой же почве сошелся с Пушкиным, на которого просто из баловства потом так наклепал, что взбешенный Александр Сергеевич окрестил его «последней дрянью» и посылал Толстому вызовы на дуэль во все российские концы. Да к счастью, Толстой-американец (который и вызов бы принял, и Пушкина бы убил) болтался в это время где-то в провинции, а Пушкина друзья понемногу уговорили не связываться.

У Толстого-американца было одиннадцать трагических дуэлей, и десять детей, не переживших младенческого возраста. До взрослого состояния дожили только

две дочери – Прасковья и Сара. Вторая – феноменально одаренная девушка, которой во время одной из своих буйных вечеринок неугомонившийся и с возрастом папаша умудрился прострелить каблук, демонстрируя приятелям меткость глаза. Итак, одиннадцать дуэлей, а к началу нашей истории – десять умерших детей.

По поводу сказанного о том, что Толстой-американец не брал в голову свои дуэльные убийства, сказано было не совсем точно. Брал. Но очень своеобразно.

При смерти очередного ребенка Толстой доставал свою записную книжку, записывал имя ребенка против фамилии очередной старой жертвы и тут же писал слово «квит». Считал, что рассчитывается таким оригинальным способом с Богом за содеянное. Так вот последней неоплаченной жертвой в тот момент стоял гвардейский поручик Андрей Иловайский, принадлежавший к известной в России фамилии, вся мужская ветвь которой традиционно шла по военной линии. Отец его, генерал, был ранен смертельно на Бородинском поле и похоронен на территории Донского монастыря, где до сих пор сохранилась его могила, причем потомки в конце прошлого века поместили на ней его цветное портретное изображение. И даже в восьмидесятые годы нашего века могила была посещаемой – на ней иногда замечались цветы, то есть род Иловайских в Москве сохранился.

Но вернемся назад.

Толстой-американец сам затеял с Богом странную игру, но по последней жертве расплатиться никак не мог. Сара и младшая Прасковья росли здоровыми девушками, не болели и только радовали отца. Одиннадцатое слово «квит» оставалось не вписанным.

К картежной игре Толстой-американец относился как к работе. И вот, в один прекрасный вечер, имея в кармане отличный куш, он выходил из особняка богача Никиты Всевожского, где кутежи и карточная игра происходили каждый день, когда недалеко от крыльца его окликнула какая-то женщина. Лицо под вуалью, одета бедно. Толстой только заметил, красивые тонкие руки. По голосу – молода, ну, или, во всяком случае, не стара. Женщина, извинившись, назвалась дворянкой, попавшей в очень трудные обстоятельства жизни. Сказала, что, не будучи лично знакома с Толстым, много наслышана о его благородных душевных качествах и попросила купить у нее брошь с огромным изумрудом, за которую она по срочной необходимости попросила смешные деньги. Толстой, увидя

брошь и будучи в отличном расположении духа, согласился и предложил даже больше. Но та решительно отказалась, уверяя, что названной суммы вполне достаточно.

И вот на груди этой Сары гости стали замечать прекрасную брошь с роскошным изумрудом. Заметила ее и двоюродная сестра Толстого Закревская – женщина экзотической красоты с магическими глазами. Тоже очень известный персонаж пушкинской эпохи. До сих пор, надо сказать, специалисты спорят о том, сколько раз она встречается в форме аллюзий, то есть литературных намеков, в произведениях великого поэта.

Закревской изумруд ужасно не понравился, и она пыталась, но вполне безуспешно, отговорить племянницу носить эту брошь.

Может ли самоцвет быть физически опасен для человека? Может. Но подробнее об этом позже.

Меньше чем через год Сара умерла, неожиданно и в полном расцвете сил. Таким образом, состоялся последний «квит» Толстого-американца.

После его смерти часть имущества пошла с молотка, брошь была куплена кем-то инкогнито, через агента, и к кому попала – неизвестно, но она сохранилась в подробной описи.

Теперь снова нужен переход в наше время, но сначала немножко о камнях.

К самым драгоценным камням (специалисты называют их камнями первой категории) относится не только алмаз. Это еще изумруд, сапфир, рубин и еще два менее известных и дорогих вида. Рубин тоже не слишком дорог, более популярен на востоке, а на западе сейчас считается несколько пошлым. Сапфир – камень синего наполнения, можно сказать, в моде никакого времени так до конца и не определившийся. Крупные камни темно-синего наполнения по цене приближаются к бриллиантам. А вот темно-зеленого наполнения изумруды от двух-трех карат и выше идут не только по той же цене, что бриллианты, но и нередко их перехлестывают.

Судя по описи, изумруд Иловайского составлял двадцать четыре карата.

Итак, наши восьмидесятые годы. И история снова сдвинула брови.

Убийство известной артистки Зои Федоровой. Дело весьма нашумевшее, однако нужно кое-что вспомнить.

Это была очень популярная и по-настоящему хорошая артистка советского кино. Очень любимая, хотя в последние годы сыгравшая только одну эпизодическую роль в картине «Москва слезам не верит».

Пуля в голову, в своей квартире, в элитном доме – известной всем высотке с названием «Украина». Тогда, в восемьдесят первом, такие наглые преступления были крайней диковиной, и Москва ошалела от неслыханного безобразия. Были большие похороны с гневными, требующими ответа выступлениями. Замечательный наш режиссер Станислав Ростоцкий, потеряв самообладание, кричал, что убьет палкой, опираясь на которую сюда пришел, тех подлецов, когда они будут найдены, что найдет и убьет их сам.

Эх, не знали еще, что дальше будет.

Зоя Федорова родила в конце сороковых внебрачную дочку Вику от военноморского атташе США, за что и попала на несколько лет в сталинские лагеря. Дочь стала потом талантливой и очень красивой актрисой, была вытребована престарелым отцом еще в советский период и осталась жить в США.

Далее – только по прессе, освещавшей это дело, чтобы не получить упреков в уничтожении памяти Федоровой, которую все старшее и среднее поколение очень любило.

Последние годы она вела очень замкнутую жизнь, помещая свой круг интересов в общение с людьми марджинальной, так сказать, принадлежности. И в этом смысле жила деятельно. По мнению знавших ее людей, у нее был свой «странный» круг общения.

Крайняя подозрительность. Дверь в ее квартиру открывалась только по предварительной телефонной договоренности даже днем. Проскакивало и определение тех, с кем она устойчиво имела дело, – спекулянты. Смешное по теперешним временам слово тогда много значило. И под него подходило все. От галстуков до автомобилей, торговли антиквариатом и чем угодно. На уровне

слухов, а не газетных публикаций, конечно, ходила информация о том, что из квартиры Федоровой (все вещи на месте) похищены крупные драгоценности, и что к этому делу причастна большая любительница камней – дочь генсека Брежнева Галина.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Кстати, Берия по профессии – инженер-строитель.

2

Его, мягко говоря, сомнительные методы очень подробно описаны в книге известного политика В. Илюхина.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/aleks-nork/moskva-almaznaya>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)